

И.А. МОРОЗОВ

ФЕНОМЕН КУКЛЫ В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

КРОССКУЛЬТУРНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
ИДЕОЛОГИИ
АНТРОПОМОРФИЗМА

Игорь Алексеевич Морозов
**Феномен куклы в традиционной
и современной культуре.**
**Кросскультурное исследование
идеологии антропоморфизма**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11080520

Феномен куклы в традиционной и современной культуре.

Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма: Индрик;

Москва; 2011

ISBN 978-5-91674-114-8

Аннотация

Данная монография посвящена исследованию роли антропоморфных артефактов в жизни людей и в истории человеческой культуры. Особое внимание уделено «идеологии антропоморфизма», которая позволяет использовать антропоморфные игрушки в целях «социального конструирования», то есть для формирования и развития «пространства личности» ребенка, осознания им своего «Я», противопоставленного «Другому», преодоления возрастного этапа «аутизма», формирования гендерной, социальной и этнокультурной принадлежности и желательных стандартов

поведения. Автором проанализирован широкий круг источников: обрядовые, магические и религиозные практики, примеры из мемуарных, литературных и современных источников (пресса, массмедиа, реклама, кино). Основу исследования составляют материалы автора, относящиеся к русской традиции и включенные в широкий круг кросскультурных параллелей. Книга предназначена для специалистов по социальной и культурной антропологии и будет полезна представителям смежных дисциплин – от кросскультурной психологии и философской антропологии до этнолингвистики, а также широкому кругу читателей.

Содержание

Введение	10
Функции куклы в культуре	10
Предмет исследования, его цели, задачи и методы	10
Современные концепции вещи и куклы как вещи	33
Историография, обзор литературы и анализ источников	39
Названия и разновидности кукол	58
Типология конструктивных особенностей куклы в русской традиции	58
Конец ознакомительного фрагмента.	97

И. А. Морозов
Феномен куклы
в традиционной
и современной культуре.
Кросскультурное
исследование идеологии
антропоморфизма

© Морозов И. А., Текст, 2011

© Издательство «Индрик», 2011

* * *

*Светлой памяти Светланы Владимировны
Комаровой посвящаю*

Идея этой книги возникла в начале 1990-х годов. К этому времени автору довелось поучаствовать в работе над несколькими масштабными проектами по народным играм и развлечениям. Готовились к выходу в свет книги по традиционной праздничной культуре Вологодского края

[Морозов, Слепцова 1993], традиционному игровому фонду удмуртов [Долганова, Морозов 1995], популярные книжки по народным играм Русского Севера: «Забавы вокруг печки (Русские народные традиции в играх)» (М., 1994) и «Не робей, воробей! Детские игры, потешки, забавушки Вологодского края» (М., 1995). Шел интенсивный сбор материалов в Рязанской области и по терскому казачеству. Первый проект завершился изданием Шацкого этнодиалектного словаря [РТК 2001], второму же так и не суждено было завершиться в связи с последующими трагическими событиями на Кавказе. Кроме того, с середины 1980-х годов автор занимался сбором материалов для первых томов Словаря славянских древностей [СД 1995–2009]. Возникшая в результате участия в этих проектах возможность ознакомиться с широким кругом русских, славянских и финно-угорских источников по народным играм и развлечениям и традиционной культуре в целом позволила обратить внимание на особую роль куклы и ее аналогов в игровой и обрядовой жизни этих народов. Именно тогда была сделана первая попытка обобщения этих наблюдений, в конце 1990-х годов опубликованная в одном из выпусков альманаха «Славянская традиционная культура и современный мир» [Морозов 1997]. Тогда же в общих чертах была сформулирована и концепция этой книги, которая заключалась в том, чтобы рассмотреть функции куклы в триаде «миф» – «обряд» – «игра» и проследить эволюцию ее обрядовых форм, их трансформацию

в повседневных и игровых практиках.

К концу 1990-х годов феномен куклы все чаще стал привлекать к себе внимание не только этнографов и культурологов, но и стал предметом изучения в рамках формирующегося в нашей науке направления философской антропологии. Поэтому вполне закономерно, что одно из первых обобщающих исследований куклы в постсоветский период было выполнено искусствоведам и философом [Комарова, Кадушкин 1999]. Светлана Владимировна Комарова, до самой своей безвременной кончины возглавлявшая этноклуб «Параскева» при Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге, входила в круг специалистов-практиков, активно изучавших конструктивные особенности традиционных кукол и развивавших новые направления их практического применения при работе с детьми и в повседневных практиках, в частности в декоративно-прикладных целях. Светлана Владимировна неоднократно участвовала в наших экспедициях в регионы Русского Севера (Вологодская, Костромская, Архангельская области), где мы имели возможность обсуждать различные аспекты «кукольной» проблематики. Постоянный продуктивный диалог с ней и с другими участниками фольклорного движения, равно как и знакомство с философским направлением осмысления феномена куклы, во многом способствовали выработке более универсального взгляда на этот предмет и формулировке целей и задач данного исследования, в частности, заставили нас обратить внима-

ние на тот факт, что кукла продолжает играть важную роль в жизни современного общества.

Автор выражает искреннюю и глубокую благодарность всем, кто помогал в работе над данным исследованием советами, материалами, конструктивной критикой при предварительных обсуждениях. Это Ирина Владимировна Власова, Дмитрий Анатольевич Функ, Ольга Евгеньевна Фролова, Марина Львовна Бутовская, Елена Евгеньевна Левкиевская, Валентина Ивановна Харитоновна, Георгий Николаевич Чагин, Изабелла Иосифовна Шангина, Татьяна Борисовна Щепанская, Ольга Владиславовна Белова, Людмила Александровна Тульцева, Татьяна Александровна Листова и другие коллеги из Института этнологии и антропологии РАН, Российского этнографического музея, Музея этнографии и антропологии (Кунсткамеры), кафедры фольклора МГУ.

Отдельную благодарность хотелось бы выразить Ирине Семеновне Кызласовой (Слепцовой), постоянно оказывавшей как моральную, так и техническую поддержку при нашей работе над данным трудом.

Неоценимую поддержку нашим исследованиям оказал Российский гуманитарный научный фонд, выделивший специальный грант для работы над данной книгой (проект РГНФ № 02-01-00394а), а также финансировавший наши полевые исследования в рамках «Русской этнографической экспедиции» (гранты РГНФ №№ 99-01-18011е, 00-01-18001е,

02-01-18005е, 03-01-18068е, 05-01-18027е, 06-01-18135е,
№ 07-01-18004е, 08-01-18008е, 09-01-18013е).

В книге использованы также полевые материалы по традиционной и современной празднично-игровой культуре, собранные нами и нашими коллегами в рамках работы над «Этнодиалектным словарем Ульяновского Присурья» (грант РГНФ № 08-01-00497а).

Введение

Функции куклы в культуре

Предмет исследования, его цели, задачи и методы

Среди вещей, входящих в наше повседневное бытие с колыбели и затем сопровождающих нас в течение всей жизни, нет, пожалуй, вещи более очевидной и известной и вместе с тем более таинственной и парадоксальной, чем кукла [Лотман 1992, с. 377–380]. Уже сама ее «очеловеченность», близость к живому (ибо кукла по определению – это символическое изображение человека или животного), способность в условно-игровых формах заменять человека, выступать в его функции выделяет ее из множества окружающих нас предметов, придает нашему общению с ней некий магически-колдовской, мистический оттенок. Беря в руки куклу, мы подсознательно уже начинаем с ней диалог, имея в виду не бездушную пустую болванку, а проступающее в ее чертах живое человеческое начало. Более того, быть может, именно тысячелетний опыт общения с куклой позволяет нам при-

давать свойства живого многим другим предметам окружающего нас мира. В этом смысле кукла, по-видимому, существенно отличается от других окружающих нас вещей, которые, как правило, имеют чисто утилитарное применение, т. е. «наинизший семиотический статус». У куклы всегда есть «второй семантический план», который даже при применении ее в качестве детской игрушки не позволяет ей опуститься до уровня детского совка или мячика. «Наивысший семиотический статус» кукла, как и многие другие вещи, приобретает в ритуале и обряде, причем это является результатом соединения «материально-вещной» и «религиозно-мифологической» семантики [Байбурин 1981, с. 226]. Именно в ритуально-магических практиках наиболее явно проявляются характерные особенности куклы как особого феномена, стоящего на границе природы и культуры.

Кукла в своих самых различных (игровых, обрядовых, мифологических) ипостасях и является **объектом** данного исследования. В качестве **предмета** нашего анализа мы рассматриваем социальные и культурные, повседневно-бытовые и обрядовые взаимодействия человека и куклы как вещи, функции и роль куклы в онтогенезе и филогенезе, приписываемые ей в разных культурах значения и символику, а также возможности формирования при помощи этой вещи системы взаимоотношений между членами группы или социума (социальное конструирование → межпоколенная передача ценностей → традиция).

Говоря о кукле, мы имеем в виду *любые антропо- и зооморфные фигурки, употреблявшиеся в традиционных обрядовых и необрядовых практиках и способные в условно-игровых формах заменять человека, выступать в его функции, а также их аналоги в современном быту, в том числе детских играх.* Кроме того нами специально проанализированы способы репрезентации куклы в литературе, живописи и современных массмедиа. То есть в поле нашего внимания попадают и те предметы, которые исследователями или самими носителями традиции называются «идолами», «болванами», «истуканами», «чурбанами», «кумирами», «чучелами» или «скульптурой религиозного назначения» [см., например: Зеленин 1936; Иванов 1970, с. 6–7; Чекалов 1974; Иванов 1979], а также зоо- и фитоморфные фигурки, используемые в обрядах, играх и в иных неутилитарных целях (например, для коллекционирования или украшения интерьера) – см. илл. 2, глиняная свистулька «Всадник» [ККЭЖ КСВ, Рязанская обл.].

Илл. 1

Такое толкование куклы является расширительным по сравнению с общепринятым: ср. *кукла* – „детская игрушка в виде человека“; „фигура человека или животного в театральном представлении, управляемая из-за ширмы актером“; „фигура, воспроизводящая человеческое тело“ [Ожегов 1990, с. 313]. То есть наша трактовка предполагает синтез этих трех значений, хотя и не противоречит ему (ср. еще: *кукла* – „сделанное из тряпья, кожи, битой бумаги, дерева и пр. подобие человека, а иногда и животного“ [Даль 1881, с. 213]).

Необходимость рассмотрения помимо антропоморфных, также и зооморфных куколок продиктована тем, что в обряде и в игре, так же как и в древней пластике и в мифологической иконографии, зооморфные персонажи часто вы-

ступают в тех же контекстах, что и антропоморфные, являются их алломорфами – ср., например, возможность замены антропоморфной куклы «Германа» в болгарском плювиальном обряде жабой [Кабакова 1995, с. 499], или представление духа-защитника в виде собаки-человека у чукчей – см. *илл. 1* [Богораз-Тан 1939, с. 52, *рис. 44*]. Причина заключается в том, что граница между «животным» и «человеческим», так же как грань между «природным» и «культурным», в традиционной культуре является очень зыбкой. В фольклорных и обрядовых текстах животные часто обладают человеческими чертами, а некоторые категории людей или персонажей способны в определенных ситуациях оборачиваться животными [многочисленные примеры см.: Гура 1997]. Эти аналогии очень устойчивы и продолжают сохраняться в современном культурно-языковом сознании [Карпов 1996; Толстая 2005; Фролова 2005; Соколова 2009], оказывая непосредственное влияние на формирование наших поведенческих и мыслительных стереотипов. Кроме того, в разных культурах и разных культурных контекстах граница между «животным» и «человеческим» проводится по-разному (ср. зооморфные инкарнации духов-помощников шамана, колдуна или покойника – см. *цв. вкл. 4*), поэтому необходимо провести *сравнительное исследование феномена куклы* и условий его функционирования в различных культурных средах.

Тем не менее львиная доля анализируемых нами случаев относится к *кукле в узком смысле слова*, т. е. антропоморф-

ному предмету небольшого (не более 30–50 см) размера, изготовленному из различных, в том числе подручных материалов (ткань, дерево, глина, реже камень, плоды и овощи и др.). В то же время, за исключением отдельных сравнительно-типологических экскурсов, мы не рассматриваем специально такие феномены, как механические (заводные) куклы и многофигурные композиции, статуэтки, манекены, скульптуры и памятники, роботы и андроиды, и под., поскольку, во-первых, это неоправданно расширяет рамки нашего исследования и размывает его границы; во-вторых, бóльшая часть обобщений и выводов, сделанная нами применительно к кукле в узком смысле слова, имеет значение и для других аналогичных объектов. Хотя в ряде случаев (и мы это специально оговариваем в соответствующих разделах нашей работы) для понимания специфики таких объектов, как скульптура или роботы и андроиды, необходимы специальные исследования. В тех случаях, когда такие исследования уже существуют [Иванов, 1970; Чекалов 1974; Richter 1989; Погоняйло 1998; и др.], мы обычно опираемся на сделанные в них выводы, то есть, не стремясь построить собственную концепцию, лишь интерпретируем имеющиеся обобщения в рамках нашего понимания феноменологии куклы и аналогичных ей вещей.

Илл. 2

Смещение границ между «человеческим» и «нечеловеческим», живым и неживым, «культурным» и «природным» в истории человечества связано с важнейшими культурными и цивилизационными процессами. Ведь «утверждение в современном мире потребительского и насильственного отношения к природе» отражает сдвиг в человеческом сознании, «который соотносится и с релятивизацией и механизацией вещи» [Топоров 1993, с. 80]. Это дает нам основание утвер-

ждать, что данное исследование «феномена куклы» является *актуальным*, поскольку подобный сдвиг характерен и для возникающей на наших глазах «глобальной» цивилизации, неотъемлемыми чертами которой является активное взаимодействие типологически разных культур на основе новых стандартов межкультурных, межрасовых и межличностных взаимодействий, стремление к «экологической революции», то есть коренному пересмотру сложившихся отношений в системе «природа – культура» и уже обозначившейся тенденции «новой гуманизации вещи». Этому способствует появление и постепенная легитимация в массовом сознании и культурных практиках целого класса объектов – роботов и андроидов, идея создания которых восходит к древним мифическим существам от вылепленного Богом из глины первого человека Адама до железного голема и го-мункулуса. Являясь по сути неживыми механическими куклами, искусственными «подобиями человека», его «бездушными копиями», они претендуют в будущем на более высокий, «человеческий» статус.

На примере функционирования куклы и иных антропоморфных объектов в ритуально-магических и повседневных практиках наиболее явно проявляются характерные особенности переходов из пространства «природы» в пространство «культуры», из класса объектов, признаваемых «неживыми», в класс «человекообразных» и живых [Погоняйло, 1998]. Изучение таких переходов в истории культуры по-

могает прояснить механизм возникновения многих культурных различий и стереотипов, выводит нас на очевидные межкультурные универсалии, а также закономерности человеческого мышления и мировосприятия, основанные на базовых принципах формирования личности в онтогенезе. Необходимость их осмысления становится *особенно актуальной* в связи с массовым внедрением механических интеллектуальных устройств, которым постепенно делегируются полномочия при принятии решений от повседневного быта до различных областей науки и техники. Способность подобных устройств принимать рациональные, логически обоснованные решения способствует формированию в массовом сознании представления об их «разумности» и «человекоподобии» и возникновению «новой мифологии мертвой машинной жизни» [Лотман, 1992]. Антропоморфность их не очевидна, но, возможно, со временем мы все больше будем склонны приписывать им человеческие черты, подобно тому, как это уже происходит в сленге профессиональных компьютерщиков и пользователей Интернета (*мама*, «материнская плата ПК»; *элька*, «электронная почта» и под.).

Илл. 3

Актуальность «феномена куклы» проявляется и при анализе проблемы двойничества [Большаков, 2001; Морозов, 2009б], поскольку статус «копии человека» в разных культурах существенно различается. Современные исследования в области клонирования животных и человека, а также дискуссии о «человеке из пробирки» при искусственном оплодотворении выявляют существенные проблемы морально-этического плана, которые также не могут быть решены без определения границы «человеческого» и «нечеловеческого» («живого» и «неживого») в современной цивилизации. Причем эти границы, как и прежде, могут существенно варьироваться в разных культурных средах.

В этом контексте особое значение приобретает характерная для большинства высокоразвитых культур **концепция «антропоморфизма»**, крайним развитием которой является теория «антропоцентризма». Существуют различные подходы к трактовке концепта «антропоморфизма» [Тайлор 1989; Леви-Брюль; Леви-Строс 1994; Лосев 1996; Токарев 1964; История 1988; Элиаде 1999а; Кэмпбелл 1997; и др.]. Краткий обзор основных работ по этой проблематике сделан Л. Н. Тульцевой [Тульцева 1993, с. 22–25]. Если проигнорировать некоторые нюансы интерпретаций в рамках разных научных направлений и школ, то антропоморфизм – это надделение человеческими свойствами явлений природы, жи-

вотных, предметов, а также отчетливо проявляющаяся в различных культурах тенденция к представлению в человеческом образе различных мифологических персонажей, героев и божеств.

Илл. 4

Антропоморфизация или «очеловечивание» окружающего мира является отличительной чертой человеческого познания, позволяющей описывать окружающий мир «через себя» [История 1988, с. 416–447; Найдыш 2002, с. 36, 49], то есть, используя знание о себе для объяснения тех или иных природных явлений и свойств вещей, и, в конечном счете, создавать «вселенную, проникнутую гомологиями» [Элиаде 2001, с. 80]. Отсюда хорошо известные мифологические модели мироздания, основанные на уподоблении Вселенной человеческому телу или голове божества [Старшая Эдда, с. 32; Топоров 1983, с. 243–244]. Этот механизм используется и при планировании поселений [Дэвидсон 1975, с. 143], и при моделировании жилищ, отдельные части которых соотносятся с частями человеческого тела. Антропоморфность присуща и отдельным объектам культуры от деталей интерьера – ср. «чело» и «устье» как части русской печи [Байбурин 1983; Богданов 1997, с. 188] – до сакральных и утилитарных предметов. В качестве примера можно привести известные по археологическим находкам сосуды в виде женских фигур с гипертрофированной грудью [Шептунова 1996], антропоморфные сосуды североамериканских индейцев – см. илл. 4 [La Farge 1974, s. 17] или погребальные урны айнов [Спеваковский 1988, с. 149] и этрусков – см. цв. вкл. 2. К этому ряду можно отнести са-

кральные предметы типа доски для вытирания огня у чукчей – см. илл. 3 [Богораз-Тан 1939, с. 56] или орудия производства – ср. названия частей рыболовной снасти конической формы («верши», «мережи»), у которой есть «морда», «пасть», «глотка» или «горло», «язык» [Даль 1880, с. 379; Даль 1881, с. 319].

Учитывая значимость антропоморфной символики в культуре и принимая во внимание специфику куклы как вещи антропоморфной по определению, мы уделяем особое внимание обсуждению этой тематики в данной работе, поскольку, с нашей точки зрения, без понимания места концепта «антропоморфизма» в системе знаковых средств культуры невозможно понять сущность «феномена куклы». Равно как и проникновение в глубинную семантику куклы как предмета культуры помогает лучше понять механизм возникновения и функционирования в сознании человека «принципа антропности» окружающего мира и возникновение своеобразной **«идеологии антропоморфизма»**, если под идеологией понимать не по-марксистски истолкованное «неистинное мировоззрение», а «метод установления практических правил воспитания, этики и политики посредством точного познания физиологической и психической организации человека и окружающего мира» [ФЭС 1998, с. 170]. Именно на постулируемой нами «идеологии антропоморфизма» построена **первая гипотеза данного исследования**: поскольку кукла по определению является антропо-

морфным предметом, то можно предположить, что она играет существенную роль в формировании и поддержании этой идеологии в истории человеческой культуры, в том числе в истории мировых религий.

Истоки феномена куклы необходимо искать в ритуально-обрядовых практиках и мифологии (не только традиционных, но и современных), то есть в характерном для представителей той или иной культуры комплексе представлений об устройстве окружающего мира и том месте, которое отводится в нем человеку. Сфера применения куклы в обряде очень широка. Она выступает и как объект – фетиш или магический предмет, и как субъект – заместитель основных фигурантов обрядового действия или представляющих их мифологических персонажей. В последнем случае употребление куклы, как правило, мотивировано невозможностью совершить те или иные ритуальные действия (например, умерщвление или погребение) с реальным участником обряда.

Понятно, что употребление куклы в ритуале тесно связано с ее общекультурными коннотациями, ее отражениями в мифологии и верованиях. Изготовление обрядовых кукол практически всегда объясняется мифологическими представлениями и верованиями и сопровождается более или менее развернутыми текстами. С другой стороны, многие архаические аспекты семантики куклы невозможно понять без учета ее применений в игре. При этом необходимо специально

оговориться, что кукла как игрушка вовсе не обязательно является заимствованием обрядовых аналогов или их позднейшей переработкой. Многочисленные факты игровых употреблений куклы как у русских, так и у других народов убеждают в обратном: значение куклы в игре не только близко к обрядовому, но и зачастую сохраняет черты архаики, в обряде уже не присутствующие, а это в ряде случаев создает предпосылки для возникновения новых ритуализованных практик на основе игровых прототипов. Разбору прецедентов такого рода мы уделим особое место в нашей работе.

Отсюда вытекают три основных аспекта рассмотрения куклы как феномена культуры. Во-первых, *мифологический аспект*, то есть функции куклы в мифологии и верованиях, в частности в мифах о сотворении мира и человека. Во-вторых, *обрядовый аспект*, то есть применение кукол и их аналогов в ритуально-обрядовых и магических практиках. В-третьих, тесно связанный с ними *игровой аспект*, то есть употребление кукол в развлечениях и играх детей и подростков, а также в обрядовых развлечениях. Эти три аспекта не находятся в соотношении жесткой иерархии: от мифа к обряду и игре. Обрядовые и игровые употребления куклы могут провоцировать создание и развертывание мифологических истолкований этой практики. И напротив – обрядовые и игровые употребления часто представляют собой предметно-действенную реализацию мифа [Обрядовая теория 2003].

Цели и задачи. Целью данного исследования является *кросскультурный анализ феномена куклы*, то есть сравнительное исследование условий функционирования этой вещи в различных культурных средах с древности до настоящего времени (с упором на материалы, относящиеся к русской традиции), а также изучение роли антропоморфных предметов в формировании мировоззренческих установок и жизненных стратегий личности. Для достижения данной цели нам необходимо было решить следующие **задачи**:

1) выделить типы зоо- и антропоморфных артефактов в различных культурах;

2) дать дефиницию понятия «кукла», описать разновидности кукол и определить их место в системе зоо- и антропоморфных предметов;

3) выяснить роль «идеологии антропоморфизма» в истории человеческой культуры, значение антропоморфных артефактов в возникновении и функционировании этой идеологии и при трансформации природных объектов в культурные;

4) изучить способы применения антропоморфных предметов (кукол) в обрядовых, магических и религиозных практиках, а также их роль в межпоколенной трансмиссии ценностей, воспроизводстве и трансформации традиции;

5) исследовать использование зоо- и антропоморфных игрушек в формировании и развитии «пространства личности» ребенка, осознании им своего «Я», противопоставлен-

ного «Другому», преодолении им возрастного этапа «аутизма» и освоении социальных ролей;

6) изучить использование антропоморфных игрушек в целях «социального конструирования», то есть для формирования гендерной, социальной и этнокультурной идентичности, социальной (групповой) сплоченности, желательных стандартов поведения;

7) обобщить материалы современных практик применения антропоморфных предметов (кукол) в различных сферах общественного бытия и в разных социокультурных средах;

8) выявить механизмы использования семантики понятия «кукла» при формировании общественного сознания и манипулировании им в традиционных и современных социумах.

Решение этих задач позволяет более четко осознать роль зоо- и антропоморфных артефактов и игрушек в культуре, то значение, которое придается им в народной педагогике, в передаче семейных традиций, развитии личности, а также роль кукольных образов в формировании общественного сознания и манипулировании им с целью формирования новых имиджей, норм поведения, ценностей и оценок (например, при необходимости установления различий в системе «свой / чужой»).

При анализе феномена куклы необходимо учесть ее вписанность в широкий культурно-исторический контекст и ее

роль в истории культуры. Будучи обязательным атрибутом самых первых детских забав и игр, она подобно таинственному фантому неотступно преследует человека с детской колыбели, чтобы в конце жизненного пути в качестве амулета сопроводить его в иной мир. Объяснений столь феноменальной значимости куклы в традиционной, да и в современной культуре пока нет, и в поиске ответов на этот вопрос заключается *новизна* нашего исследования. При этом первые приходящие в голову трактовки при ближайшем рассмотрении оказываются лишь частными аспектами более общих проблем. В частности, несомненна глубинная взаимосвязь практики ритуально-обрядовых употреблений куклы с культурами предков, подтверждение чему можно найти в многочисленных этнографических фактах. Однако объяснение этого явления выводит нас за рамки фольклорно-этнографического исследования в область психологии восприятия и общения, заставляет обратиться к закономерностям формирования человеческого «Я» в его соотношении с «Другим» – реальным и ирреальным. Исследование этой проблемы позволяет нам сформулировать **вторую гипотезу**, которая имеет как этнологический, так и этнопсихологический характер. Можно предположить, что причины феноменальной сущности куклы и ее универсальности в масштабах общечеловеческой культуры заключаются в том, что *кукла имеет исключительное значение для становления человеческой личности в ее персональных и инперсональных ипостасях в онтогенезе.*

Особый вес кукле придает то обстоятельство, что она оказывает существенное влияние на формирование личности ребенка, в значительной степени детерминирует его ментальные и поведенческие реакции, а также играет определяющую роль при социализации и гендерной идентификации, освоении социальной и природной среды и адаптации к ней в раннем детстве.

Таким образом, исследование сущности феномена куклы возможно лишь с использованием инструментария всего комплекса наук о человеке от этнографии и философии до психологии и лингвистики. В данной работе применяется *метод комплексного компаративного кросскультурного исследования* с использованием как «классических» этнографических источников, в том числе собственных *полевых материалов*, так и «агрегированных» сведений из устных сообщений, личных актуальных наблюдений, прессы, средств массовой информации. При этом используются *методы культурологического и этнолингвистического анализа*, а также *структурно-функциональный и структурно-семиотический методы*, позволяющие смоделировать культурно маркированные способы употребления антропоморфных предметов. При рассмотрении *психологических* аспектов «общения с куклой» мы видели нашу задачу в том, чтобы очертить круг возможных проблем, связанных с психологией восприятия и манипулирования куклой как игровым и обрядовым предметом, имеющим глубокие корни в куль-

туре и порождающим множественные архетипические образы и смыслы.

Наши этнолингвистические и лингвокультурные экскурсы не направлены на решение специальных лингвистических задач: например, построение этимологических моделей или систематическое изучение языковых способов описания интересующих нас объектов культуры. Языковые высказывания анализируются нами скорее с позиций *этнометодологии*. Обращаясь к данным языка, мы лишь используем языковые средства характеристики объекта, отраженные в словарях или наших полевых записях, осознавая при этом как важность подобных сведений для понимания особенностей мышления носителей культуры и их миропонимания, так и достаточно ограниченную сферу их функционирования.

В заключительном разделе мы обращаемся к общетеоретическим проблемам, позволяющим составить представление о функционировании куклы в современной индустриальной и постиндустриальной цивилизации, использование символики куклы в массовой культуре и масс-медиа XIX–XXI веков от литературы и кино до телевидения и рекламы. Анализ этого материала позволяет многое прояснить в глубинной семантике данной вещи, понять ее роль в формировании различных моделей человеческого поведения в современном мире и в поддержании «идеологии антропоморфизма», которая во многом определяет наш взгляд на окружаю-

щий мир, делает его «антропоцентричным».

В свете этой проблематики нам представлялось важным показать две вещи. Во-первых, на примере куклы можно увидеть, как происходит освоение культурой природных объектов. При создании куклы грань между «природным» и «культурным» зачастую является почти неощутимой и невидимой, особенно если учесть, что в разных культурах эта граница проводится по-разному. И это является существенной проблемой при взаимодействии и взаимопонимании представителей этих культур. Вместе с тем рассмотрение на примере куклы «минимального инвентаря знаков культуры», то есть культурных маркеров, позволяющих отличить ее от обычного камня или ветви дерева, позволяет утверждать, что существуют некие универсальные приемы, позволяющие переводить природные объекты в семиотически насыщенное поле культуры, делать их «культурно значимыми».

Илл. 5

Во-вторых, кукла помогает продемонстрировать, как с помощью отдельно взятой вещи можно манипулировать сознанием, конструируя при помощи игровых практик с ее участием частные поведенческие навыки и стереотипы, которые

затем при помощи языковых образов и клише распространяются на более общие социальные практики. Кукла играет важную роль в формировании особых «сверхидей» или «социом», таких, например, как идея «кукловода» («манипулятора»), а также связанных с ней идей «социального манипулирования» и «социального конструирования» – см. илл. 5, Т. Чувашева. Игра для инфанты (2007). При этом в роли «кукловода» – манипулятора может выступать как отдельная персона (от божества до вождя), так и социальная группа или ее символические замены, своеобразные «социальные симулякры».

Сочетание методов этнографического исследования с методами смежных дисциплин от этнолингвистики до философской антропологии и демонстрация исключительной значимости «феномена куклы» в онтогенезе человека и в истории человеческой культуры позволяет выявить новые аспекты функционирования «феномена куклы» как в традиционной, так и в современной культуре и получить результаты, не представленные в других исследованиях на эту тему.

Современные концепции вещи и куклы как вещи

В последние десятилетия XX века вновь оживился интерес к изучению материальной культуры [Материальная культура 1996; Тело 1996; и др.]. Но современный взгляд

на предмет и вещь принципиально отличается от характерного для 1920–30-х годов восприятия их как чего-то самоценного и изолированного, вне контекста порождающей и использующей их культуры, и основан на их системном семиотическом анализе. Основные современные концепции вещи изложены в работах Р. Барта, М., Фуко, Ж. Бодрийяра, а также в исследованиях отечественных ученых [Барт 1996; Foucault 1966; Фуко 1994; Baudrillard 1968; Бодрийяр 1999; Кантор 1967; Безмоздин 1979, с. 104–127; Байбурин 1981, с. 215–226; Этнографическое изучение 1989; Корсунский 1997; Липс 2001; Голофаст 2000, с. 58–65; Уемов 1963; и мн. др.].

Феномен вещи возможен лишь в тесной связи с нематериальным, духовным началом, то есть с тем, что ее одухотворяет и наполняет невещественным смыслом, придает ей не связанное с ее непосредственными функциями значение, а следовательно дает ей возможность иного, нематериального существования. Иными словами, вещь немислима вне определенного социокультурного контекста, она не имеет смысла за рамками породившей ее культуры и, более того, она «без человека никому и ни для чего не нужна» [Топоров 1993 с. 89; Топоров 1995]. В этом смысле можно говорить о «жизни вещи», то есть уподоблении вещи человеку как устойчивой и распространенной культурной практике, а следовательно отражении в вещи идей антропоцентризма и антропоморфизма.

Среди круга проблем, относящихся к «жизни вещи в культуре», можно выделить несколько, непосредственно затрагивающих предмет нашего исследования. Некоторые из них подробно обсуждаются в вышеуказанных работах Р. Барта, М. Фуко и Ж. Бодрийяра. Очень важной представляется *проблема функциональности вещи*, которая позволяет обозначить границу между вещью *практически полезной*, применяемой для получения того или иного продукта, и вещью *практически бесполезной* (безделушкой, игрушкой, сувениром, реликвией, коллекционным раритетом), которая предназначена не для утилитарного использования, а для неких культурно-символических манипуляций, имеющих смысл только в рамках данной группы или социума и зачастую мало связанных с реальными свойствами вещи. Кукла обычно выступает во второй ипостаси («практически бесполезной вещи»), хотя некоторые употребления близких к ней антропоморфных предметов – например, манекенов или резиновых кукол из секс-шопа – явно имеют практическую направленность. Наличие утилитарных функций существенно влияет на эволюцию вещи и ее приспособление к конкретным потребностям ее обладателей, а также природным и социокультурным факторам, которые обуславливают особенности данной среды обитания. Неутилитарные вещи – от игрушек до сувениров – как правило, более «консервативны», поскольку у них нет особых причин для ускоренного усовершенствования. Более того, именно их консерватизм, как правило, и придает

им особую ценность в глазах их обладателей.

Для целей нашего анализа полезно разработанное еще Платоном учение об «идее вещи». По мнению современных исследователей, «делая вещи зримыми, сама идея очам не предстает, ибо она не вещь, а *рациональная структура вещи*. При этом нельзя считать идею просто результатом абстрагирующей деятельности сознания. <...> Смешав рациональную структуру вещи с самой вещью, мы поступим в точности, как Гиппий, который говорил, что красота – это девушка, кувшин, половник... И впадем в ошибку еще грубее, если поймем *идею* на современный лад – как мысль в голове, как отражение некоторой объективно существующей вещи в сознании субъекта. <...> Все вещи существуют как представители своих генов-родов, все вещи пребывают в генах и в Едином, отдельно от вещей несуществующих. <...> Не бывает вещей безыдейных, вещей без устоя, но не все вещи достойно представляют свой „ген“, собственное *начало*. Одни это делают лучше, другие хуже, некоторые – совсем плохо. И в случае неудачного представительства может произойти смешение, путаница, бесчинство, нарушающее стройность (от строй, космос) миропорядка. Это случается тогда, когда вещи подделываются под то, чем они не являются, симулируя бытие из-за недостатка его» [Погоняйло 1998, с. 17–18]. В случае куклы и подобных ей предметов мы можем говорить о «гене» антропоморфизма. И именно с точки зрения представления в этих вещах идеи подобия чело-

веку следует судить о степени их «удачности» или «неудачности».

По мысли М. К. Мамардашвили, вещь невозможно «измерить», т. е. не только выстроить относительно нее какую-то научную теорию или «знание причин», но и просто воспринять в качестве «этой» вещи, не «вставив» ее в какую-то рациональную структуру. Но «вставление» это неподконтрольно сознанию, оно «эксплицируется постфактум – в философии учений и систем» [Мамардашвили 1990, с. 9]. Это утверждение, по сути, воспроизводит ключевое положение теории американского физика Хью Эверетта о многовариантной Вселенной (Мультиверсе), согласно которой возможно бесконечное множество независимо существующих классических картин мира и интерпретаций событий, одномоментно возникающих у разных наблюдателей [Everett 1957; Дойч 2001]. Фактически это предполагает множественность интерпретаций одной и той же вещи, ее различные трактовки в разных мировоззренческих системах. Иначе говоря, такая вещь, как кукла, может получать очень разные истолкования как в различных культурах, так и в индивидуальных практиках. Верно и обратное: в различных культурах и в индивидуальных практиках куклой (антропоморфным артефактом) могут признаваться очень разные по форме вещи. Но при этом у них есть некие общие *уникальные* признаки и свойства, которые и позволяют нам говорить *о феноменологии куклы*.

Современные исследователи прослеживают историческую эволюцию статуса вещи: от лично-окрашенного, одухотворенного и зачастую сакрализованного предмета в традиционной культуре [Новик 1998] к статусу «партнера по социальному взаимодействию» в культуре современной. В Новое время «рациональная структура вещи преобразилась в операциональную, идея буквально овеществилась в особых предметах – механизмах, оказавшись на виду у всех» [Погоняйло 1998, с. 19]. В современном мире «вещь превращается в функциональный компонент обычной, рутинной деятельности человека, ее заменяемость становится регулярной (вплоть до одноразового использования)» и у нее «вместо символизма статуса, биографии, идентичности возникает символизм ранга, богатства» [Голофаст 2000]. А это, в конечном счете, сводит значение вещи в современном индустриальном и постиндустриальном обществе к легко заменяемой и имеющей ценность только в качестве новинки или антикварного раритета «вещице» [Шпаковская 2000].

Конечно, утилитарное использование вещи также культурно-специфично и «неочевидно» для представителей иных культур. Однако смысл «практической пользы» вещи можно просто продемонстрировать, в то время как символические значения требуют погружения в культурно-исторические и мифологические контексты и знания о спектре возможностей «правильного» ситуативного употребления данной вещи. С этой точки зрения даже смысл *игры* с куклой,

не говоря уже об обрядовых или иных культурно-символических ее употреблениях, не имеет простого «практического» объяснения, но требует в каждом случае нового истолкования, исходя из наших знаний о данной культуре и конкретном индивиде, который совершает с ней те или иные манипуляции.

Историография, обзор литературы и анализ источников

Степень изученности. Интерес к феноменальным свойствам антропоморфных предметов и оживленным при помощи магических способов «копиям человека» характерен уже для цивилизаций Древнего Мира, что нашло, например, отражение в древней мелкой пластике (палеолитические Венеры), в мифах о создании Божеством человека из различных природных материалов и в упоминаемых Гомером изваянных из золота «прислужницах» Гефеста [Илиада, песнь XVIII, с. 417–420]. К античности относится и упоминаемое Платоном представление о людях как о куклах-марионетках, управляемых божеством в театре теней [Государство, кн. 7]. Новый всплеск интереса к этой проблематике возник в Средневековье в связи с развитием алхимии и на фоне попыток создания искусственного человека – *гомункулуса*, что нашло продолжение в легендах о Франкенштейне и Големе [Scholem 1960]. Увлечение в конце XVIII в. автоматами,

в том числе заводными куклами, определило «вспышку мифологии куклы в эпоху романтизма» [Лотман 1992]. Например, героиня «Песочного человека» Э. Т. А. Гофмана [Гофман 2000], Олимпия, в глазах обожающего ее Натанаэля – «одеревенелая и неподвижная» и тем не менее «прекрасная статуя» (ср. античную легенду о Пигмалионе, влюбившемся в статую). Образ куклы в своих произведениях использовали Вольтер, В. А. Гете, А. Франс, У. Теккереи, Ж. Санд, Б. Прус, М. Метерлинк и другие известные писатели и драматурги. Именно в этот период куклы становятся важной деталью интерьера [Змеева 2006].

В русской литературе конца XVIII – начала XIX века гофмановский мотив человека-автомата, «живой статуи», куклы [Гофман 2000; Гофман 2008; Голова 2006] нашел отражение в рассказе «Пагубные последствия необузданного воображения» из цикла «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» А. Погорельского, где также речь идет о юноше, любившем прекрасную девушку-куклу [Погорельский 1987; Турьян 2007]. Символические презентации куклы использовали в своих философских трактатах и эссе И. А. Крылов [НКРЯ: Крылов 1789; НКРЯ: Крылов 1792а, б] и А. Н. Радищев [НКРЯ: Радищев 1792–1796]. Вполне ожидаемой является кукольная проблематика в произведениях, предназначенных для детской аудитории – «Черная курица, или Подземные жители» А. Погорельского (1829 г.) и «Городок в табакерке» В. Ф. Одоевского (1834 г.) [РФПЭР 1987; Неждан-

ные гости 1994]. Хотя указанные произведения и не являются научными исследованиями, в них рассматриваются важные для изучения концепта «кукла» темы: кукла как «модель» или двойник человека, а также ее манипулятивные свойства.

Мотив человека-куклы является сквозным в цикле «Пестрые сказки» В. Ф. Одоевского. В одной из сказок («Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту») девушка, превращенная заморским лавочником в куклу, символизирует лишенный собственных мыслей и чувств под воздействием ориентированной на западные ценности системы воспитания типаж «светской дамы»: «Злодеи воспользовались этим мгновением, вынули из нее сердце и опустили его в свой бесовский состав. Долго, долго они распаривали бедное сердце русской красавицы, вытягивали, выдували, и когда они вклеили его в своё место, то красавица позволила им делать с собою всё, что было им угодно. Окаянный басурманин схватил её пухленькие щёчки, маленькие ножки, ручки и ну перочинным ножом соскребать с них свежий славянский румянец и тщательно собирать его в баночку с надписью *rouge vegetal*; и красавица сделалась беленькая-беленькая, как кобчик; насмешливый злодей не удовольствовался этим; маленькой губкой он стёр с неё белизну и выжал в стекляночку с надписью: *lait de concombre*, и красавица сделалась жёлтая, коричневая; потом к наливной шейке он приставил пневматическую машину, повернул – и шей-

ка опустилась и повисла на косточках; потом маленькими щипчиками разинул ей ротик, схватил язычок и повернул его так, чтобы он не мог порядочно выговорить ни одного русского слова; наконец затянул её в узкий корсет; накиннул на неё какую-то уродливую дымку и выставил красавицу на мороз к окошку».

Купивший эту куколку молодой человек предпринимает отчаянные усилия, чтобы вернуть ей умение чувствовать и мыслить самостоятельно, но в ответ слышит лишь дежурные фразы о «чувстве почтения и преданности, с которыми честь имею быть, милостивый государь, вам покорная к услугам». Не удивительно, что в конце концов «однажды спросонья он выкинул куклу за окошко; за то все проходящие его осуждали, однако же куклу никто не поднял» [Одоевский В. Ф. Пёстрые сказки с красным словцом (1833)].

Тема куклы и человека-марионетки интересовала многих русских писателей XIX века. В их числе Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский. Среди авторов, уделявших внимание «кукольной» проблематике, особо выделяется М. Е. Салтыков-Щедрин. В. В. Гиппиус считает, что в основе салтыковской поэтики лежит мотив театрального представления и принцип автоматизма [Гиппиус, 1966]. В рассказе «Игрушечного дела людишки» автор приходит к выводу, что «из всех тайн, раскрытие которых наиболее интересует человеческое существование, „тайна куклы“ есть самая существенная, самая захватывающая».

Герой рассказа, мещанин города Любезнова Никанор Сергеев Изуверов, делает не просто игрушки, а «настоящих деревянных человечков», которых он противопоставляет «живым куклам», наполняющим его город: «Все мы здесь на равных правах состоим, точно веревка скрозь продернута. Один утром проснулся; за веревку потянул – и все проснулись; один за станок стал – и все стали». Никанор Изуверов жалуется своему посетителю: «Так вот как поживешь, этта, с ними: ума у них – нет, поступков – нет, желаний – нет, а на место всего – одна видимость, ну, и возьмет тебя страх. Того гляди, зарежут. <...> Взглянешь кругом: все-то куклы! везде-то куклы! не есть конца этим куклам! Мучат! тиранят! в отчаянность, в преступление вводят! Верите ли, иногда думается: „Господи! кабы не куклы, ведь десятой бы доли злых дел не было против того, что теперь есть!“» И заключает: «Тяжело, сударь, очень даже тяжело промежду кукол на свете жить!» [Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки]. Н. Н. Баумтрог делает вывод, что сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина в полной мере позволяет ощутить, как «формы общественных отношений утратили когда-то наполнявшее их живое содержание, опустели или предельно упростились, превратившись в набор заданных механических функций и бессодержательных фраз. Человек оказался начисто лишен свободы, превращен в куклу, марионетку» [Баумтрог 2004, с. 16].

В культуре Серебряного века кукла, как и детская игрушка, становится многозначным символом «изначального бы-

тия», благодаря которому можно проникнуть в тайны творчества, в «таимые комнаты смысла» [Савельева 2001; Костюхина 2008, с. 10–11]. Поэтому образ куклы возникает у многих писателей и поэтов этого периода и используется как емкий философский символ (Л. Н. Андреев «Рассказ о семи повешенных», «Дневник сатаны»; Ф. К. Сологуб, «Мелкий бес», «Капли крови»; и др.). Игра с куклой описывается в мемуарах, ей посвящаются проникновенные стихотворные строки. Продолжение этой тенденции можно увидеть и в 1920–1930-е годы в произведениях А. Белого, Ю. К. Олеши, А. С. Грина, В. В. Набокова, а также в творчестве авторов рубежа XX–XXI веков (Л. С. Петрушевская, «Маленькая волшебница»; А. А. Проханов, «Господин Гексоген»; Ю. И. Коваль «Красная сосна», «Куклакэт»; и др.). Описание всего круга значений, характерных для употребления понятия «кукла» в русской литературной традиции XIX–XX веков, сделано нами и ни же (с м. параграф «Кукла в литературных и художественных контекстах»).

Большинство вышедших в свет в последние десятилетия работ о кукле имеет культурологический, искусствоведческий или философский характер. В последние годы защищено несколько диссертаций по данной проблематике [Карпова 1999; Голубева 2000; Зиновьева 2001]. Работа Т. Е. Карповой [Карпова 1999] посвящена «историко-культурологическому исследованию феномена куклы в русской культуре» и помимо «изучения генезиса и функционированию фено-

мена куклы в русской культуре», ставит задачу «рассмотреть феномен куклы в философско-антропологическом измерении, как своеобразную модель человека». Говоря о функциях куклы в современной культуре, автор отмечает, что семантическое поле этого феномена постоянно расширяется, например, у слова «кукла» появляется новое значение „пустышка, обманка“. Ссылаясь на Ж. Бодрийера, Т. Е. Карпова утверждает, что в этом случае «кукла является на содержательном уровне симулякром, представляет абсолютную пустоту». Такая трактовка эволюции семантики слова «кукла» сомнительна, так как, судя по данным электронного архива «Национальный корпус русского языка», упомянутые значения существовали у куклы в русской культуре еще в XIX в. Т. Е. Карпова совершенно справедливо выделяет антропоморфность в качестве важного свойства куклы, однако, с нашей точки зрения, делает из этого не совсем правильный вывод, предлагая ограничиться рассмотрением «антропоморфными изображениями, созданными для игры или украшения» и тем самым предельно сужая для себя сферу «феномена куклы». Тем не менее, работу Т. Е. Карповой, несомненно, можно считать шагом в верном направлении.

Диссертация Ю. О. Голубевой [Голубева 2000] посвящена философским аспектам функционирования куклы в культуре. При этом кукла выступает «в качестве знаково-символической формы»: как игрушка, как модель, как коллекция, как персонифицированный образ в «обществе спек-

такля», в контексте освоения игрового пространства современной культуры. Автор рассматривает роль куклы «в игровой модели человеческой коммуникации», как при межличностном общении, так и в форме «диалога „наедине с собой“, когда единственным посредником и участником выступает кукла». В качестве особой разновидности Ю. О. Голубева выделяет «куклы-маски», которые «позволяют прояснить семиологические смыслы культуры, раскрыть многомерность мира, его сакральные и символические смыслы как лично-значимые, так и социально-актуализируемые», а также выявить «маскогенный характер современного общества и свойственных ему форм игровой культуры (виртуальных коммуникаций, созданных через СМИ диалоговых и шоу-пространств и т. д.)». Интересным представляется вывод Ю. О. Голубевой о современных СМИ, которые «используют в большей мере не куклы-символы, в которых воплощены архетипы культуры и культурные герои, а куклы-манипуляторы, образы-оборотни, разрушающие устоявшуюся архитектонику культуры, человеческое в человеке».

Необходимо отметить концептуально интересную книгу С. В. Комаровой и М. А. Катушкина [Комарова, Катушкин 1999]. Здесь не только приводится типология кукол и краткий очерк их употреблений в традиционной и современной культуре, но и делается попытка осмысления феноменологии куклы в культуре. Хотя приводимых в книге примеров и аргументов явно не достаточно для построения стройной

теории, некоторые принципиально важные подходы к «феномену куклы» уже обозначены. К этому ряду можно отнести и подборку статей в журнале «Живая старина» (М., 2006. № 1. С. 2–25, рубрика «Живая кукла»), а также изданный на их основе сборник [Живая кукла 2009], в которых представлены различные аспекты «феномена куклы». Для решения наших задач важны материалы и подходы, содержащиеся в опубликованных в этом сборнике статьях И. П. Уваровой, М. П. Чередниковой, В. А. Шевцова, М. С. Костюхиной. В статье И. П. Уваровой, например, идет речь о конструктивных особенностях простейших кукол-«сверток», построенных на основе узла, что во многом определяет их общую семантику. Эта проблема обсуждается нами в главе «Названия и разновидности кукол».

Существует широкий круг работ, посвященных кукле, на материале разных культур. Среди них как обзорные [Coleman 1968; Bachmann, Hansmann 1977; Malkin 1977; Fischer, Zweig-Gräfenhahn 1980; Steiger 2002; и мн. др.], в том числе иллюстрированные энциклопедические издания для взрослых и детей, в основном практической направленности, то есть предназначенные для педагогов и коллекционеров [Куклы 1964; White 1975; Lavitt 1983; Артамонова 2000; Князева 2002; Юрина 2002; Куклы мира 2003; и мн. др.], так и исследования по отдельным культурам [Boehn 1929; Fawdry 1979; Gribbin 1984; Терешкович 1992; Морозов 1997; Ковычева 2002; Найден 2007; Змеева 2006; и мн.

др.]. Большинство данных изданий имеет справочно-энциклопедический характер, то есть содержит краткую информацию о типе той или иной куклы, ее принадлежности к определенной эпохе и типу культуры, функциях, месте хранения. В ряде случаев сообщается также коллекционная стоимость, поскольку многие издания подобного типа являются аукционными каталогами. По аналогичному принципу построены и многие музейные каталоги с описанием коллекций игрушек и кукол, например, книга Штайгеров, посвященная описанию экспозиции Пражского музея кукол [Steiger 2004]. В этом контексте заслуживают внимания статьи, посвященные описанию коллекций кукол Российского этнографического музея [Баранова, Голякова 1991; Комарова 2004].

Детские и педагогические издания (например, книга Н. Юриной «Куклы») в занимательной форме рассказывают об истории и разновидностях кукол у разных народов мира. В некоторых случаях куклы используются как инструмент для исследования быта: одежда, интерьер, стиль той или иной культурной среды или эпохи [Coleman 1975; см. также: Морозов 2002б]. Все эти книги, как правило, прекрасно иллюстрированы и дают богатый визуальный материал для сравнительного исследования. В остальном их научная ценность весьма ограничена, так как в большинстве случаев из имеющихся описаний (например, «игровая», «обрядовая» или «шаманская» кукла) нельзя сделать однозначных и исчерпывающих заключений о сфере, среде и спосо-

бах функционирования той или иной куклы.

Из последних наиболее значительных публикаций этнографического характера необходимо отметить книги А. С. Найдена [Найден, 1999; Найден, 2007], посвященные украинской народной игрушке и украинской кукле. Это основательные научные исследования истории игрушки и куклы, выполненные с привлечением археологических и исторических параллелей, а также примеров из культур народов бывшего СССР, в том числе близкородственных восточнославянских народов. При обсуждении проблем генезиса украинской народной куклы автор обращает внимание на среднеазиатские аналоги, поскольку некоторые образцы узбекских, таджикских и киргизских кукол очень близки по оформлению головы и лица к украинским. Похожие типы народных кукол с профилированием нитями лица прямым или косым крестом встречаются также на юге России. А. С. Найден вкратце останавливается и на мифологических и обрядовых истоках народной куклы, что сближает его исследование с нашим.

В русской этнографии очень мало специальных *обобщающих* исследований, посвященных феномену куклы. Помимо упомянутой диссертации Т. Е. Карповой [Карпова, 1999], в которой хотя и присутствуют этнографические материалы, но акцент сделан на культурологическом анализе, к таковым с известной степенью условности можно отнести книги И. Н. и А. С. Котовых [Котовы, 2005] и Г. Л. и М. Б. Дайн [Дайн,

2007]. Обе книги построены не только на материалах личных коллекций авторов, но и на уникальных собраниях игрушек Художественно-педагогического музея игрушки Российской академии образования (г. Сергиев Посад) и Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург). В них дан краткий обзор типов традиционных кукол и их употреблений в детских играх и обрядовых практиках. Однако научно-популярный формат изданий, ориентация на образовательный процесс и педагогов-практиков вынуждает авторов, научная квалификация которых не подлежит сомнению, минимизировать научный аппарат, а следовательно существенно снижает научную значимость этих работ. В частности, отсутствие точной паспортизации не позволяет считать достаточно достоверными как названия некоторых типов кукол (Крупеничка, свадебная кукла «Мировое древо», Коляда, Рождественский ангел и др.), так и обрядовые действия с их участием, описываемые авторами.

Существуют также исследования различных аспектов использования антропоморфных предметов и кукол в отдельных культурах [Boehn, 1929; Fawdry K. & M., 1979; Gribbin J.F. & D., 1984; Терешкович, 1992; Морозов, 1997; Ершова, 2002; Ковычева, 2002; Найден, 2007; и мн. др.], а также в определенные исторические эпохи [например: Змеева, 2006]. Среди работ этого типа особо выделим посвященные антропоморфной скульптуре и мелкой пластике, например, книги Д. К. Зеленина [Зеленин, 1936], С. В. Иванова [Ива-

нов, 1970, 1979], А. К. Чекалова [Чекалов, 1974], Н. Е. Григоровича [Григорович, 1977], статьи Р. С. Василевского [Василевский, 1987], И. К. Федоровой [Федорова, 1995] и др. К ним примыкают обобщающие труды, посвященные анализу аналогичных археологических артефактов [например: Voas, 1955; Формозов, 1980; Первобытное искусство, 1987; и др.]. Очень важны для нас и исследования о маске и маскировании в различных культурах [например: Авдеев, 1957; Леви-Строс, 2000; Ивлева, 1998; Маски 2008]. Хотя куклы в собственном смысле слова и не являются предметом изучения этих авторов, применяемые ими принципы анализа антропоморфных предметов, их классификации и интерпретации, могут быть использованы и при анализе феноменологии куклы. Понятно, что мы не ставили перед собой задачи учесть все источники данного типа, поскольку это увело бы нас далеко за рамки нашего исследования, но принимали во внимание наиболее известные концепции и точки зрения, если они оказывались полезными для наших целей.

Лучше всего изучены куклы, служившие в качестве игрушек для детей [см., например: Игрушка 1912; Оршанский 1923; Игрушка 1950; Шацков 1990]. Практически во всех книгах, посвященных народной игрушке и народным детским играм и этнографии детства, приводятся более или менее обстоятельные их описания. Это касается как русской [из обобщающих работ назовем: Покровский 1994; Капица 1928; Виноградов 1999; Аникин 1991; Дайн 1981; Русские

дети 2006; Борисов 2008; и др.], так и других культур мира [Чадаева 1986; Павлинская 1988; Тахтуева 1999], например, славянских [Malý 1895; Hercik 1951; Українська іграшка 1973; Найден 1999; Герус 2004], романских или германских [Claretie 1893; Hildebrandt 1904; Gröber 1927; Bayer 1962; Remise 1967]. Поскольку для авторов этой группы изданий кукла является лишь одной из разновидностей детских игрушек, то ей, как правило, выделяется достаточно скромное место в общем массиве сведений. Тем не менее это достаточно важная и ценная для нас часть источников, тем более что многие из этих книг снабжены солидным научным аппаратом. Кроме того практически во всех книгах этой группы немалое место уделяется авторской кукле и народным мастерам-кукольникам.

Среди исследований о русской игрушке выделяется книга Г. Л. Дайн [Дайн 1981], которая долго оставалась практически единственным исследованием, целая глава которого посвящена научному описанию разновидностей народных кукол и их не только игровых, но и обрядовых функций. Правда, этой информации в данной книге отводится скромное место, поскольку основной акцент сделан на искусствоведческом анализе народной игрушки, ее эстетической ценности.

Достаточно хорошо описаны и разновидности кукол, употреблявшиеся в разных типах кукольных театров (например, в вертепе или театре Петрушки) – от перчаточных до кукол-марионеток. Существует широкий круг работ по рус-

скому кукольному театру [Перетц, 1895; Виноградов, 1905; Богатырев, 1923; Цехновицер, Еремин, 1927; Всеволодский-Гернгросс, 1959; Конечный, 1989; Гусев, 1980; Некрылова, Гусев, 1983; Соломоник, 1983 и 1992; Крючкова, 2005; Kelly, 2009; и др.]. Их общий обзор можно найти в книгах Б. Голдовского [Goldowski 1994; Голдовский 2004], одна из которых является объемным энциклопедическим словарем, посвященным театральной кукле, в том числе и в обрядовых театрах народов мира. Это позволяет нам не уделять особого внимания в данной книге театральным куклам-марионеткам (кроме нескольких специальных экскурсов), а сосредоточиться на тех разновидностях кукол, которые использовались в обрядовой и магической практике.

Источники. Решение разноплановых задач в рамках предпринятого в данной книге междисциплинарного исследования потребовало привлечения очень широкого круга источников. Базу настоящего исследования составляют экспедиционно-полевые материалы, архивные документы, музейные коллекции, массмедиа и пресса. Значительная часть этих материалов *опубликована*. Это, например, описания случаев использования кукол или иных антропоморфных предметов в мемуарах, произведениях художественной литературы, прессе, кино. В этом ряду также визуальные презентации музейных и личных фото- и видеоархивов в Интернете и на электронных носителях (мультимедийные CD и DVD-диски). В последние годы появились также книж-

ные и электронные издания некоторых ранее труднодоступных архивов (фольклорные и фольклорно-этнографические собрания Российского этнографического музея, Московского, Нижегородского, Сыктывкарского, Пермского, Архангельского госуниверситетов, Фольклорно-этнографического центра при Санкт-Петербургской консерватории и др.).

Для реконструкции архаичных состояний нами привлекается широкий типологический материал, с особым вниманием к близкородственным народам (славяне) или народам, проживающим в непосредственном соседстве с русскими. Для этой части исследования важны опубликованные источники (специальные монографии и энциклопедические справочники по отдельным народам и культурам), в меньшей мере – иллюстративный материал в специализированных журналах, Интернете, прессе, этнографических фильмах. Для реконструкции используются наши наблюдения и исследования коллекций кукол и антропоморфных артефактов из различных музеев: Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера, Санкт-Петербург), Художественно-педагогического музея игрушки РАО (Сергиев Посад), Государственного исторического музея (Москва), Museum hraček (Прага), ряда краеведческих музеев в регионах России (Вологда, Калуга, Орел, Ярославль, Ульяновск) и др. Учитывается также информация из специализированных кукольных музеев и галерей: «Музея уникальных ку-

кол» (Москва), музея «Кукольный дом» (Москва), Санкт-Петербургского музея игрушки, Санкт-Петербургского музея кукол, Музея кукол (Петрозаводск), галереи «Вахтановъ» (Москва), галереи Карины Шаншиевой (Москва) и др.

При создании типологии антропоморфных предметов мы использовали как архивные материалы и музейные коллекции, так и полевые материалы. В первую очередь, это русский этнографический материал, извлеченный как из опубликованных, так и из архивных источников, а также наши полевые записи, сделанные по специальным программам [Кызласова, Морозов, 1999; Морозов, 2002]. Материалы по этой теме собирались нами в течение последних 20 лет в ряде регионов России: в Вологодской, Архангельской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской, Брянской, Орловской, Белгородской, Курской, Ульяновской областях, Ставропольском крае и республике Удмуртия и частично опубликованы в серии специальных статей, а также в наших монографиях и региональных этнодиалектных словарях.

В главах, посвященных функционированию куклы в современной культуре, использованы как опубликованные источники: мемуары, произведения художественной литературы и материалы, представленные в средствах массовой информации (пресса, телевидение, Интернет) и кинематографе, так и неопубликованные полевые материалы из архива автора. При оценке общих закономерностей функцио-

нирования феномена куклы в современных условиях представляют интерес научно-популярные и популярные издания [Дайн, 2001; Юрина, 2002; Котовы, 2005; Кононов, 2000; и др.]. В этом ряду и серии статей о народной кукле, адресованные в первую очередь практикам, которые были опубликованы в конце 1990 – начале 2000-х годов в журналах «Народное творчество» и «Живая старина» [Живая старина 1995, № 2; 2006, № 1; Народное творчество 2003, № 2–3; Народное творчество 2004, № 1–5; Агаева, 2004; Агаева, 2005а; и др.]. В последние 10–15 лет в России были созданы также специализированные журналы, каталоги и иные издания, посвященные детским игрушкам и куклам, в том числе коллекционным (например, «КукАрт», «Играем с Барби» и др.), ориентирующиеся на многочисленные зарубежные аналоги, упомянутые нами выше, выходят справочники, энциклопедии и другие работы о современных куклах, в первую очередь – Барби [Эльконинова 2002; Горалик, 2005; Гусева 2008]. Предпринимаются попытки создания и массового тиражирования национально-специфичных и авторских коллекционных кукол («мукла») для целевых аудиторий. Данные типы источников требуют критического подхода, но вместе с тем они очень важны для оценки общей картины бытования куклы в современных условиях, а также факторов, которые обуславливают актуализацию этого концепта и его конкретные ситуативно обусловленные употребления (например, в рекламных роликах, глянцевого журна-

лах или в телешоу «Куклы» 1990-х годов, см. цв. вкл. 15).

Для исследования динамики изменений концепта «кукла» в общественном сознании последних двух столетий [см. специальные исследования: Костюхина, 2007; Борисов, 2008; Веселые человечки, 2008; и др.] важным источником являются художественная литература и мемуары, а также интернет-ресурс ЭНИ «Российский Архив». Индивидуальное сознание ярко проявляется в беллетристике, мемуарах, письмах, дневниках, а также в полевых записях, содержащих воспоминания о детстве. Часто это уникальные свидетельства эмоционального отношения детей разных возрастов, эпох и народов к своим куклам и играм с ними. Данные источники дают возможность оценить важную роль этих предметов в истории повседневности.

Особую часть исследования составляет этнолингвистический и лингвокультурный материал, описывающий понятие «кукла» и родственные ему понятия как в разговорно-бытовом языке и диалектной лексике, так и в дискурсе «высокой культуры» (литература, живопись, кино). Данные материалы, извлеченные как из опубликованных собраний (от словарей В. В. Даля и народных говоров до иных словарных и лексикографических источников), так и из полевых диалектных записей различных собирателей, а также интернет-ресурса «Национальный корпус русского языка», постоянно используются нами в данной книге.

Названия и разновидности кукол

Типология конструктивных особенностей куклы в русской традиции

Из сказанного выше нетрудно понять, что в нашу задачу не входит подробный анализ *технологий изготовления* кукол. Однако прежде чем приступить к рассмотрению конкретных аспектов функционирования куклы в традиционной культуре, необходимо хотя бы в общих чертах рассмотреть их типы, в том числе и способы их изготовления и номинации. Известно множество разновидностей кукол как по форме, так и по материалу и технологии изготовления. Рассмотрим основные их типы, встречающиеся у русских, используя при этом как наши личные полевые записи и материалы, так и работы других исследователей [Дайн 1981; Комарова, Катушкин 1999; Котова 2005; Агаева 2005]. При этом, по возможности, будем приводить параллели из других культурных традиций.

Наиболее распространены у русских куклы из тряпок и лоскутков, из жгутов соломы, палочек или лучинок, реже – куклы из глины, воска и веточек деревьев. Встречаются также смешанные и более редкие типы: например, из костей животных, перьев птиц или яичной скорлупы. Извест-

ны также плоскостные куклы или антропоморфные фигурки, вырезанные из коры дерева, щепы или бересты – ср. аналогичные куколки у эвенков и кумандинцев [Иванов 1970, с. 145–147, *рис.* 131, 132; Иванов 1979, с. 23, *рис.* 19]. Плоские деревянные фигурки и куклы-марионетки с подвижными конечностями были представлены в позднейших народных промыслах. Очень близки к ним по технике исполнения и игровой прагматике вырезные бумажные куклы, восходящие к появившимся еще в XVIII в. куклам-«пандорам» [Петрова 1995], фабричные и самодельные варианты которых бытовали вплоть до конца прошлого века [Борисов 2008, т. 1, с. 398].

Материал и технология изготовления в значительной мере определялись тем, для чего были предназначены куклы. Так, очень близко по своим функциям к обрядовым куклам праздничное (например, святочное или свадебное) и обыденное печенье в виде фигурок животных и людей [Агапкина 2000, с. 207 и след., 264 и след.; Дайн 2001, с. 17 и след.]. В Пителинском р-не Рязанской обл. выпекали обрядовое печенье «калёдки», изображавшее семью с детьми [Тульцева 2009, с. 516]. В русской традиции более известны такие его разновидности, как рождественские «козули» («козюли»), новогодние или крещенские «свинки», «коровки», «курушки», «кони», «козички», средопостные «жаворонки», «чувилки», «сороки», «птичушки», «кулики», «жаравки», «ярушки», «кытьки» [Страхов 1991; Из обрядовых пе-

чений 1910, с. 229–230; РТК 2001, с. 148–151, 239, 240; Тульцева 2001, с. 98–103, 107; Тульцева 2009]. Фигурки птичек – «утушки», «птичужки», «галки» – часто украшают свадебный каравай [Добровольский 1902; Ведерникова 1997, с. 158; РТК 2001, с. 339, 340].

Реже встречается антропоморфное печенье: «всадник», «баба», «кукла». «Тогда была вот тут ярманка. И вот, бывало, там напякуть ряженных из пшаничной муки! Куклы. И вот тогда с свистульками ребятишки оттуда идут, свистять. Ну, ярманка, ярманка! Эта на Пятров день и на Вёшнюю Николу. Их два дня было в году, два...»; «Это раньше вот была ярманка – вот Казанская. Там продавали и птичких, и куклых. Ага. Куклы, птички и всякие поросяточки из теста! И привозил дедушка всягда мне „барыню“ с пярком – крашенные перья. Это я помню: всягда дедушка привозил „барыню“. Сладкую. И с пярком...» [ЛА МИА, с. Парсаты, Темешево Шацкого р-на Рязанской обл.]. «Я тебе по правде скажу: нас десять человек было, нам не покупали эти безделушки [=глиняные куклы-игрушки]. Вот пряничков-то привёзут – вот „барыни“ были, „барыни“, „барыни“. Она ведь всё-таки хлебная! Хлебная была...» [ЛА МИА, с. Ждамерово Сурского р-на Ульяновской обл.].

В других случаях эти фигурки предназначались только для игры. «Вот раньше на ярмарках продавали из теста фигурки. Вот там „боярин“ был, потом ещё „молодец“ был, ну и „красавица“ была. Я вот помню, мне приносили с базара

вот такие вот – из теста сделанные. И я играла ими. Наверно, они для игры и были сделаны. Я помню, когда я эту куклу клала на стол, папа кричал на меня: „Убери, она грязная!“ Я, например, не помню, чтобы я их ела...» [ЛА МИА, с. Пушкино Добрынинского р-на Воронежской обл.].

Зоо- и антропоморфные фигурки широко употреблялись в разных культурах. Новогоднее печенье такой формы было известно как мордве [Минх 1890, с. 90], так и китайцам [Календарные обычаи 1989, с. 97]. Среди игрушек ненецких детей встречались небольшие собачки, сделанные из теста [Иванов 1970, с. 71]. У хантов и манси фигурки тетёрок, оленей, лосей, коней из теста расставляли на медвежьем празднике перед шкурой убитого медведя или подносили медведю с другими угощениями [Иванов 1979, с. 50]. Алтайцы лепили различных животных из теста, хлебного мякиша или сыра, чтобы принести их в жертву духам земли, гор и леса, которые способствовали удаче на охоте [Иванов 1979, с. 75–78]. У аварцев фигурки домашних животных из теста отправляли невесте от жениха «в день показа приданого» [Булатова 1988, с. 151].

Близки к обрядовому печению *глиняные куклы* – «глинышки», «глинтышки» [ЛА СИС, д. Телибаново Шекснинского р-на Вологодской обл.], встречающиеся практически во всем русском ареале, хотя интенсивность их изготовления и применения в разных регионах существенно варьируется [см., например: Борисов 2008, т. 1, с. 399]. «Это вот „мла-

денчиков“ делали – из глины налепишь, накатаешь: и ноги пристроешь, и руки пристроешь, и личико сделаешь. Ну. Из глины скорей...» [ЛА СИС, с. Кировка Инзенского р-на Ульяновской обл.]. «Делали куклы из глины, „ила“ была у нас под горой – такая серая-серая „ила“. Даже мыло делали из ней – как будто как мыло. Она очень такая [=прочная – стучит кулаком по бревну – *ИМ.*]. Глина-то она быстро разлепливается, а эта „ила“ [нет]. Она прямо сама сохла. День постоит, например, и высохнуть, и кукла будить долго стоять, хошь об землю бей. <...> И вот делали мы кукол из „илы“... Всё, всё – и ручки пристроим. Да ещё хочется, чтоб не ручки, а чтоб пальчики были!.. Ну, и когда вот станем играть, и кукол тети гаджуются...» [ЛА МИА, д. Дешовки Козельского р-на Калужской обл.]. «Из глины-то лепали. Вот тут вот у нас за садами глина есть. Да. Засохнет. Это вот дожидаться надо – скорей уж! Засохнет – берём, а она разваливается. Чёо ж? Глина, она глина и есть...» [ЛА МИА, с. Ждамерово Сурского р-на Ульяновской обл.]. «Глинышков делали. Из глины лепили. <...> Помню хорошо, делали уточек, да делали всяких из глины девочек. Ручки, ножки, всё» [ЛА СИС, д. Телибаново Шекснинского р-на Вологодской обл.]. «Всё из глины паналепим: и кукол из глины, и в глаза панавтыкаем угольки. И с куклами носимся, как родители – и баюкаем, и всё там, как матери дитя, так и мы...» [ЛА МИА, ст. Галюгаевская Курского р-на Ставропольского края].

Илл. 6

Иногда для этих куколок могли изготавливать наряды. «Наряжали. Платьица шили, шили сарафанчики...» [ЛА МИА, д. Дешовки Козельского р-на Калужской обл.]. «Кто одёвал, у кого есть еще тряпка сошита. А у кого нет, так та нагая. Так увидишь в тряпке-то глина, вся глина...» [ЛА МИА, с. Ждамерово Сурского р-на Ульяновской обл.].

В Великоустюгском р-не в 1920-е годы «куриц стряпали из глины»; «лепили из глины лошадок, петушков, куколок, свистульки» [ЛА МИА, д. Мякинничино, Антуше-

во Великоустюгского р-на Вологодской обл.]. «Петушков» и «собачек» из глины лепили и в соседнем Нюксенском р-не [ЛА МИА, д. Лукино, прож. в с. Городишна Нюксеницкого р-на Вологодской обл.].

Некоторые глиняные куклы, изготавливавшиеся для игры у русских и украинцев, поразительно близки как к археологическим находкам [Фехнер 1949; Розенфельдт 1968, с. 81, 85–92, 109, 111, 123; Найден 1999; Найден 2007], так и к известным по позднейшим народным промыслам – *см. илл. 6*, А. Х. Афанасова. Поросенок (2005) [ОТИ 2007, с. 9, *илл. 33*, д. Чернышино]. Традиция лепить или вырезать фигурные изображения из глины, алебастра, нефрита и черного камня восходит к позднему палеолиту и предшествует появлению керамики. Причем на поздних этапах количество каменных фигурок заметно уменьшается: около 90 % найденных статуэток изготовлено из глины, наложенной поверх гальки, цилиндрического или круглого глиняного катышка [Гимбутас 2006, с. 30–31].

Можно отметить существенную корреляцию ареалов распространения традиционных гончарных промыслов и традиции изготовления глиняных куколок для игры. Это отмечается, например, в Орловской обл. – *см. илл. 7, 8* [ОТИ 2007, с. 8, *илл. 24*, с. 9, *илл. 35*, г. Новосиль и д. Чернышино]. Такая взаимосвязь прослеживается и в окрестностях Каргополя. Раньше здесь изготовлением и грушек занимались немногие. «Раньше таку свистульку сделают или куклу-ту глиняную.

В город приедут сюда, у соборной-то колокольни торгуют. Мы приедём, тожо купим. У нас не было моды кукол [лепить]. Вот у нас резали кирпич, а кукол не делали. Это тожо делали в определенном месте... Вон Шевелёвы-то, дак вот у них делали, у них занимались куклами, а другие не занималисе, другие делали горшки да кринки. А они вот делали эти игрушки...» [ЛА МИА, д. Воробьиха Каргопольского р-на Архангельской обл.]. Импровизированные глиняные куколочки, изготовленные самими детьми для повседневных игр, в Каргополье встречаются довольно часто. «Куколок летом вот на улице делали из глины. Всяких – кто как умеёт. Парней делали, девушек делали...» [ЛА МИА, д. Мостовая Каргопольского р-на Архангельской обл.].

Илл. 7

В южных р-нах Ульяновской области глиняные куколки также встречаются обычно в селах с развитым гончарным промыслом [ЛА МИА, с. Ясачный Сызган Базарно-Сызганского р-на; д. Воскресеновка Радищевского р-на Ульяновской обл.]. Аналогичные куколки употреблялись при детских играх и в других местах России. «Куколки лепили из глины: маленькие ножки сделаешь им, всё сделаешь. Иной раз и маленькую лошадку слепишь. Поставишь, она на солнушке высохнуть сама. Так они и стоять – из глины, желтые. Даже и побелить нечем – желтые стоять...» [ЛА МИА, д. Касьяново Козельского р-на Калужской обл.]. «Из глины лепили, делали. У грязь залезишь, лепишь кукол: и парни, и девушки были. Какую большую сделаешь, какую маленькую – с ладонь...» [ЛА МИА, д. Дешовки Козельского р-на Калужской обл.].

Нередко детям привозили для игры глиняные игрушки с ярмарки. «Привозили [куклы] из глины из базара. Помню, мать когда-то привязла, и она упала и разбилась. Я плакала по ней даже. Вот так...» [ЛА МИА, д. Горицы Трубчевского р-на Брянской обл.]. «Дак то с гнили [=глины] делали у нас вот в Каргополе только. И здесь продавали. И утушек, и всяких козлов, и всё наделают, навезут робятам-то. Да. У меня много было – пятеро, дак прибежат: „Мама! Надо вот [купить кукол] – приехали там!“ Ну, копейка есть, дак давай возьмём...» [ЛА МИА, д. Чурилово Каргопольского р-на Архангельской обл.]. Глиняные куколки обычно ценились

выше, чем тряпичные. «Ну, конечно! Та крепче. А то ляпак [=тряпка], дак старый, да разорвался да и всё! А тут глина, да она засохла, да она ведь и покрашена! Она ведь разной краской и покрашена. А что ляпаки-те?..» [ЛА МИА, д. Воробьяха Каргопольского р-на Архангельской обл.]. К изделиям кустарных промыслов относятся и глиняные «вербные херувимы», описываемые ГЛ. Дайн [Дайн 2001, с. 35 и след.].

Куклы, свитые из кусков материи – «закрутки», «скрутки», «скалки», по размеру редко превышали 20–30 см. Технология их изготовления была достаточно проста, хотя и могла несколько различаться по местностям. В одних случаях сложенный в несколько слоев лоскут материи (чаще всего из остатков старой одежды, тряпья – «рибков», «ляпаков», «лахматов», «шабалов») скручивался в плотный жгут, концы которого либо завязывались узлом (обычно жгут предварительно складывают вдвое), либо крепились нитками или другим лоскутом, имитирующим головной убор. Часто изготовленные таким образом куклы изображали спеленатого младенца («ляльку»), поэтому не имели рук и ног, и у них отсутствовал костюм («снаряда»).

Илл. 8

В других случаях свернутый в несколько слоев и скатанный в «трубочку» лоскут (отсюда и название этой разновидности кукол – «скатка») прошивался грубым швом по краю. Затем ниткой или лоскутом делалась перетяжка, обозначающая «шею» и отделяющая «голову» от «туловища». Затем сворачивали вдвое лоскут, который предназначался для «сарафана», «платья» или «юбки», делали посередине сгиба вырез-«горловину» и натягивали этот лоскут через прорезь на туловище куколки. К наряду мог добавляться фартук («запон») и платок. «Так и вон из тряпок свернёшь им куклу. Вот раз свернёшь, два свернёшь – она и не развалится. А как же! <...> И ручки сделаем, глазки ей нарисуешь угольком, брови наведёшь, бус навешаешь целую грудь, ленты. И сарафанчик сделаешь, сборочками соберёшь, подцепишь ей – это юбочка будеть... Обязательно! Чтоб красивее была. Конечно!..» Для изготовления кукольных нарядов использовали обрывки старой одежды или любые куски материи [ЛА МИА, д. Касьяново Козельского р-на Калужской обл.]. «Шили из тряпков, если играть „в куклы“. Да. Вот такую куколку издаешь, скрутишь да зашьёшь нитками. Да пришьёшь ей ручки, скатаешь тоже. Вот и всё. Вот и кукла... И платочек ей сделаешь. Да. Кто и косу делает – чай, [волосы вычесывали] из головы! Да. Вот и всё. Вот так было...» [ЛА МИА, д. Русская Хомутерь Базарно-Сызганского р-на]. «Раньше куклы всё шили из ляпаков, из ребцов из разных. Маленький ляпак вот этак в трубочку завернул,

да вот тебе и кукла! Сошьём да в платьях завернём, вон натянём рубаху маленько, да и всё... Кто называл „Катя“, а кто говорит „Маня“. Маленьким играть, дак. Она сёводни играет, да завтра уже годок побольше, дак она уже и прервала... Ну, кто уже шил специально куклы, дак специально уже наряжал. Ляпак на рубаху положил как побасчее [=покрасивее]...» [ЛА МИА, д. Воробьиха Каргопольского р-на Архангельской обл.]. «Из тряпок [кукол] делали. Я сама шила. Скатаешь ей так вот туловище. Вот скатали, зашили её тут – это будет затылок. Руки пришьют, ноги пришьют. Вот. Всё из тряпок...» [ЛА МИА, с. Ждамерово Сурского р-на Ульяновской обл.]. Иногда таким образом изготавливались обрядовые куклы – см. илл. 15, тряпичная кукла-«кукушка», изготовленная Е. В. Поталовой [ЛА МИА, д. Каменка Козельского р-на Калужской обл.].

Илл. 9

Куклы похожей конструкции характерны для многих культур. Например, основу игровых кукол *кыдак у* шорцев составлял стержень из плотно свернутой бумаги или ткани, который обертывался цветной материей. Сверху на эту конструкцию надевали одно или несколько платьев, которые закреплялись «поясом» из ленточки – см. илл. 9 [Иванов 1979, с. 9, рис. 2, шорцы]. У кумандинцев игровые куклы, изображавшие мужчин и женщин разного возраста, изготавливали из холста, кудели и лоскутков ткани. Основу каждой куклы составлял скатанный из кудели валик, обшитый холстом. Особое внимание уделялось тщательной имитации одежды [Иванов 1979, с. 24, рис. 20]. Игровые куклы телеутов представляли собой тугой матерчатый валик, завернутый в одну или несколько тряпочек, изображающих одежду. У некоторых кукол он обертывался бумагой и полосками цветной ткани на месте лица [Иванов 1979, с. 43, рис. 43].

В некоторых конструкциях русских кукол тряпку не скатывали, а сворачивали: сначала брали кусок материи по центру в кулак и скомкивали нижнюю часть, натягивая образовавшиеся складки назад, сворачивали несколько раз, вдвое, втрое, а затем из верхней части формировали головку. Иногда головку формировали отдельно. «У меня у самой были-то еще маленькие куклы вот. Делала из лоскутков. Да. Вот этак [скомкивали]: это, например, головка бы-

ла. Отдельно. Потом сюда привязывали ещё несколько лоскутков – это было туловище. А потом к туловищу маленькие рукава пришивали. И можно было просунуть сюда [веточку], чтоб ручки были. Вот. А потом к этому концу пришивали ножи. . . » [ЛА МИА, д. Горицы Трубчевского р-на Брянской обл.]. Нередко для быстрого изготовления куклы-однодневки использовали платок [ЛА МИА, д. Мякинничино Великоустюгского р-на Вологодской обл.], ср. также «быструю» куклу-скрутку, изготовленную для нас А. М. Ситковой в 2001 г. – см. илл. 10 [ЛА МИА, д. Вяжновка Красногорского р-на Брянской обл.]. Г. Л. Дайн называет такого рода кукол «пеленашками» [Дайн 2001, с. 106, 107].

Сам принцип изготовления и форма куклы в данном случае напрямую связаны с ее предназначением. С куклами такого рода обычно играли в ролевые игры – «в дом», «в семью». Впрочем, встречаются изготовленные таким образом куклы и в традиционной обрядности, например, в обрядах выпроваживания, в святочных сценках ряженных и т. п.

Второй распространенный тип кукол – набивные. Для их изготовления шили небольшой мешочек, который плотно набивали тряпками, шерстью («волной»), очесами («охлопками»), куделью [о «кудельных» куколках см.: Дайн 2001, с. 104; *цв. вкл. 5*] – ср. название *кукла*, *куковка* для «кужля», свертка волокна для прядения [Громов 1992, с. 44]. Реже для этих целей использовали стружки, опилки или песок. Затем из туловища формировали голову, перевязав мешо-

чек нитками или лоскутками. «Куклу, головушку сделаем, эдак ручки сделаем, да эдак ножки приладишь тут, сделаешь. И платьё накинёшь, потолщё цево еще накидаешь, и на головушку накинёшь кудели-то, было раньше. Туловище тоже из ваты ли, кудели ли, цево хошь делали. Вот как» [ЛИА СИС, д. Ивановский Починок Велико-устюгского р-на Вологодской обл.].

Илл. 10

В некоторых случаях голову изготавливали отдельно

и пришивали ее к туловищу. «Эт сейчас покупают, а тогда-то из тряпок делали. Изделаешь из тряпок и волной набьешь. Или какими-нибудь перьями, или хлопьями – чем придётся. Да обвернешь тряпкой этой. Нарисуешь глазки, рот...» [ЛА МИА, д. Дешовки Козельского р-на Калужской обл.]. «Из тряпочков куклы шили. Вот сошьешь кругленьку сначала. Да. Как головка. Кудели там положишь или тряпочки. Набьешь. Рисовали глазки, носик. А тут сошьешь длинненьку и тоже туда набиваешь. Да. Вотверху поуже, а сюда поширьше. А потом ручки пришивали – вот так скрутишь тряпочку и её зашьешь. Да. И ножки этак же вот делали...» [ЛА МИА, с. Красная Сосна Базарно-Сызганского р-на Ульяновской обл.]. «Головку из хлопков сделаешь. У нас вот пряли, ткали – были хлопки мякеньки, из них всё делали: и мячи, и куклы, и всё. Вот так. А на личико какую-нибудь тряпочку новеньку...» [ЛА СИС, с. Юлово Инзенского р-на Ульяновской обл.].

Характерной особенностью большинства традиционных кукол является отсутствие у них глаз, а в «классических» вариантах – и других черт лица. Прорисовка этих деталей становится обязательной лишь к середине XX века, по-видимому, под влиянием покупных игрушек. Хотя описания кукол с профилировкой лица встречаются и в более ранний период: «В двух шагах от собаки, на полу, лежала, разметав руки и ноги, холщовая кукла домашней работы, т. е. просто сшитая из тряпья, с бисерными крапинами вместо глаз

и между ними небольшим нитяным захватом, изображавшим нос» [НКРЯ: Григорович 1892]. По наблюдению СВ. Иванова, описывавшего куклы тюркоязычных народов Сибири, «в прежнее время [детские] куклы с лицами внушали опасение, так как напоминали культовые изображения, но под влиянием русских шорцы иногда делали куклам глаза. Пользовались для этой цели и печатными картинками. Из картинок вырезали головы или лица, которые приклеивали к головной части куклы» [Иванов 1979, с. 9, *колл.* МАЭ № 2334-3].

У русских встречаются случаи профилирования лица при помощи перетянутых крест-накрест нитей [Живая старина 1996, № 4, *илл.* на 1-й стр. обл., с. Подсереднее Белгородской обл.]. Эта технология широко распространена и у народов Средней Азии [Ботякова 1995, с. 161, *фото* 2; с. 165, *фото* 6], Северной Африки (*см. цв. вкл. б*) и на Востоке Европы, например, в некоторых регионах Украины [Найден 1999, с. 138–181; Найден 2007, с. 144–165] – *см. илл. 11, 12.*

Нередко головку кукле-«скрутке» набивали тряпочками и пришивали к туловищу. «Шили им платья из ляпаков да одевали всяко. Вот такую сошьём головку. Тряпок напехаём да зашьём, да и головка и есть... Ну, и ручки пришьём, ножки пришьём, всё настоящёе – куколку сделаем...» [ЛА МИА, д. Мостовая Каргопольского р-на Архангельской обл.]. «Вот изготавливают головку кругленькую: тряпо-

чек напихают в головку. Набивали тряпками» [ЛА МИА, д. Долгое Ульяновского р-на Калужской обл.]. «И головку делают тоже из тряпок. Сошьют, набьют туда кудели, пришьют к туловищу и всё...» [ЛА МИА, д. Чурилово Каргопольского р-на Архангельской обл.].

Илл. 11

В больших селах и городах уже в прошлом веке к туловищу пришивали специальные фарфоровые головки, куплен-

ные на ярмарке [Дайн 1981, с. 187]. Набитые «хлопушками» тряпичные куклы с фарфоровыми головками и игры с ними зафиксированы нами в Тульской [ЛА МИА, д. Хавки Венёвского р-на; д. Сытичи Белёвского р-на] и Орловской обл. «Куколки тряпочные продавали торговки. Может, кто и привозил, а больше местные. Да. Головки фарфоровые, а к ним приделывается туловище и всё. Да. Набивная: ни песком, ничего, а тряпками, наверное... Когда вот дети были-то, какие если играли у куклы, и сами делали – из материи, из тряпок. Мешочек набивали и тряпками там, и опилками. Ну, а головку-то тогда фарфоровую, покупную. Это продавали...» [ЛА МИА, г. Болхов Орловской обл.]. В городском быту XVIII–XIX веков были распространены фарфоровые куклы. В конце 1850-х годов в Институте благородных девиц «в старшем классе была мода играть в куклы, и куклы у всех были одинаковые – фарфоровые, вертящаяся головка, фарфоровые же ручки и ножки и лайковый животик с пищалкой. При выпуске каждая, обладавшая таким *baby*, дарила его своей обожательнице из младшего класса» [Борисов 2008, т. 1, с. 401].

Куколки, набитые пеплом или золой, встречаются в ареале расселения русских достаточно редко и характерны для зон контакта. Так, вепсам были известны как куколки с набитыми пеплом туловищами, так и активное использование пепла и золы в чучелах для святочного ряжения – ими, например, набивали горшок, имитирующий голову ряжено-

го-«быка» [Винокурова 1994, с. 47]. В этом же ареале пепельные куколки встречаются и у русских. ГЛ. Дайн зафиксировала подобные куколки в Мордовии и в Воронежской области [Дайн 2007, с. 16–17].

Иногда пеплом набивали только голову куколки: в центр лоскута накладывалась зола, затем эта часть ткани перехватывалась в нижней части и скручивалась, после чего перевязывалась нитками или другим лоскутком так, чтобы образовалась «головка». Ареал распространения кукол этого типа более обширен. «Куклу с тряпочек делали. Тряпочку завернёшь, это – юбку, ещё тряпочку – это кофту сделаешь, платок обвяжешь. Без рук, без ног, только туловище и голова. Головку ей сделаешь. Золки насыпешь, намочишь её, золку-ту. Ага. Завернёшь её, она засохнет – вот и голова. Кругленька...» [ЛА СИС, с. Палатово Инзенского р-на Ульяновской обл.]. «А с куклой мы всю жизнь играли, дак с тряпочек. Дак чё? Ещё в гора золы накладём – эт щёб покрепче головка была... Вот тряпка. Вот сюда накладём золы и закрутим. И тут делаеце головка. Да. А покрепче щёб была головка, золу намочишь и потом эту голову заворачиваешь. <...> Ну, и рисуем ещё глаза, нос рисуём, и когда красные карандаши были там – губы ещё накрасим...» [ЛА МИА, д. Андреево Каргопольского р-на Архангельской обл.].

Еще один материал, использовавшийся для набивки, – зерно, откуда и название такого рода кукол – «зернушка», «зерновка», «крупеничка» [Дайн 2001, с. 105; Котова 2005,

с. 95–104; к сожалению, все данные не локализованы].

Илл. 12

Важной деталью многих традиционных кукол являлась грудь, иногда гипертрофированно выделенная [Дайн 2001, с. 101 и след.]. Для ее изготовления использовались те же

материалы, что и для головы.

Голова вообще часто изготавливалась из другого материала. Помимо золы для этого нередко употребляли круглый камушек, небольшой корнеплод (репу, редьку, картофелину) либо другой овощ (например, луковицу). Так, в Каргопольском р-не Архангельской обл. головку куклы могли делать из картофелины [ЛА МИА, д. Елизарово]. В Инзенском р-не Ульяновской обл. «Из тряпиц шили [кукол], сами шили. Скручиваем и платье ей сошьём. Ну. Ручки и ножки ей приделаешь. Эт всё вот было же. А голову тут из чего ещё? То же когда из тряпиц сделаем, а то порой вон из картошки. Её завернём и повяжем – платок ей сделаешь, косыночку какую-нибудь. Ну и лицо рисовали, как же!..» [ЛА СИС, с. Кировка].

Из этих же компонентов нередко изготавливали зооморфные фигурки: «коровки», «собачки», «овечки», «курочки» («петушки») [см., например: Дайн 2001, с. 90, 91]. Так, в Великоустюгском р-не Вологодской обл. маленькие мальчики (до 6-ти лет) изготавливали «коровок» и «козликов» из вареных или печеных картофелин, втыкая в них спички [ЛА МИА, д. Мякинничино; то же в д. Бураковская (Кузьминская) Каргопольского р-на. Архангельской обл.]. Для создания прочной основы туловища могли использовать лучинки, веточки дерева, шишки, корни растений, капустную или кукурузную кочерыжку [ЛА МИА, с. Должниково Базарно-Сызганского р-на; см. также. цв. вкл. 5, венгры], ко-

сти животных.

Характерно, что все перечисленные компоненты могут самостоятельно выступать как в игре, так и в обряде в качестве примитивных куколок. Например, в Болховском р-не Орловской обл. дети нередко играли с камнем, пеленая его как куклу [ЛА МИА, д. Репнино]. На Русском Севере встречаются случаи изготовления куколок из бересты [ЛА МИА, д. Лукино Нюксеницкого р-на Вологодской обл]. В с. Кирово Мишкинского р-на Курганской обл. «частенько делали кукол из шишек. Просто брали шишку, приклеивали глаза, рот, вставляли спички (это были руки и ноги). Обычно из шишек делали семьи, реже – отдельных кукол» [Борисов 2008, т. 1, с. 400].

Илл. 13

Примитивные *куколки из веточек или крестообразно связанных лучинок*, которыми можно было манипулировать,

как марионетками, могли называться «крестушками» [Дайн 2001, с. 106]. «Сделают эдак вот из ваты или кудели – раньше и куделя была, прями дак. <...> Голову сделаешь из ваты как следует, как это вот куклы делаются. Волосики из кудели. Нарядишь её как следуёт. Всё изделаешь: юбочку, платочек, а то дак и платьё. Туловище да всё тутока делали. Ручки тутока, гли-кося, такие дел ал и – эдак перекрестиком лучинки ниже-то головы. Ну, накрест эдак вот. Да. <...> А еще как следует сделаешь ножки. Как куклу, гли-ко, в городах делают, дак такую же делали. Да...» [ЛА СИС, д. Ивановский Починок Великоустюгского р-на Вологодской обл.]. В Карачевском р-не Брянской обл. нами зафиксирован единичный случай изготовления антропоморфной куколки для обряда «похорон кукушки», конструктивную основу которой составляли два продольных прута с прикрепленным к ним поперечным прутком-«руками» [ЛА МИА, пос. Амозово]. Подобные конструкции очень характерны для киргизских куколок, а также встречаются у других среднеазиатских народов [Ботякова 1995, с. 162–164, 166].

Илл. 14

В Поволжье еще в 1950-60-е годы могли играть в «палочные куколки», изготовленные из веточек клена. Приведем рассказ одной из участниц игр с «палочными» куколками из г. Новоанненский Волгоградской обл.: «Это до школы! Это лет, наверное, даже между так, может быть, четырьмя и шестью годами вот – вот то, что помню. Ну, вот все играли, и я, видимо, когда начала играть и взаимодействовать с девочками, видимо, подключилась, да и всё... Это „палочные куколки“ называли. „Палочные куколки“, да. Были бумажные куклы, палочные, ну и вот обычные куклы... Брали кленовую палочку такую – вот с мой мизинец толщиной, не высохшую (это была летняя такая игра, летняя). Её обрезали там, обрубали, обламывали – кто как мог, чтобы оставить два черенка от листиков в виде ручек – так вот вниз. Ну и соответственно, значит, сверху вот такой примерно, сантиметра в полтора-два над этими ручками чтоб был выступ палочки. Ну и ниже кому там какой рост больше импонировал. [Ноги] просто обрубалось вот так вот. Вот это была такая куколка. Ну, вот, наверно, сантиметров десять. Десять, ну, чуть, может быть, больше... [Куклы были] только девочки. А мальчику штаны нельзя было надеть. Видимо, поэтому... И самое большое удовольствие доставляло делать на них платья из фантиков от конфет. Вот я помню, что фантик от „Золотого ключика“. Вот это я помню очень хорошо. Желто-корич-

невая такая клеточка была. То есть вот так брался фантик, сгибался, вырезалась горловина как бы и фасон нужный кроился: или вот такой свободный, либо там приталенный, либо там какой-то другой. Вот так вот на эти ручки, и вот за счет этих вот ручек, выступов эта конструкция бумажная держалась... [Для головы] никакого оформления не было. Вот я просто иногда делала сама: подрезала ножичком, вот таким образом вокруг как бы головы, чтобы кожица (вот эта кора, ну, такая она еще, молодая, не одревесневшая, вот такая сочная) поднимались вот так кверху, закручивались как бы локоны. Вот так отрезаешь, а она вот так вот колечками закручивалась. Получались такие вот локоны. Не совсем кучерявенькая, а как бы подвитые концы. Только вот с той стороны, где предполагался затылок... [Платок им на голову не надевали], платки-то дети не носили. Там же дети-то были городские, платки-т не носил никто...» Зимой в эти куколки не играли: «А зимой деревья-то сухие! Нужны же были молодые побеги, сочные. Их выбрасывали на второй, на третий день – они же высыхали. Они высыхали, эти куклы, и делали новых тогда...» Что касается распространенности и традиционности такого рода кукол, то: «Ну, я не знаю всего Новоанненского. Я же так не общалась широко. Но, во всяком случае, вот вокруг меня так играли все, когда приходили в гости к родителям даже с другого конца города в гости с родителями другие девочки, они также начинали играть... Я не задавала вот такого вопроса непосредственно,

ну вот про палочных кукол никогда я ни от кого не слышала от старших. Ни от кого...» [ЛА МИА, г. Новоанненский Волгоградской обл.]. Играют в «палочные куклы» и сейчас (см. еще главу «Игровые контексты»).

Илл. 15

Близкие по конструкции куколки известны в разных куль-

турах. Например, у челканцев сшитые из тканей небольшие куколки *куртыяк* («старуха», «жена», «хозяйка»), считавшиеся хранительницами дома и семейного благополучия, представляли собой прикрепленные к пруту лоскутки пропитанной маслом конопляной ткани [Иванов 1979, с. 79–33]. Русским также были известны куклы-«пеленашки», конструктивной основой которых были чурочки или прутыки – см. илл. 13–14 [ТНК 2009, с. 33, д. Спаска Угря Перемышльского и Прудки Жиздринского у. Калужской губ.].

Куклы на основе деревянных чурок («панки»), известные по археологическим находкам эпохи русского средневековья [Долгов 2006, с. 79], как и в XIX–XX веках [Чекалов 1974], чаще всего употреблялись в детских играх – см. илл. 16, кукла-«панок», изготовленная Д. Москиным [ЛКЭСК МИА, музей-заповедник «Кижи»; см. также цв. вкл. 4]. У Г. Л. Дайн они названы «куклами-столбиками». Деревянные куколки обычно вытесывались из чурки топором или ножом, причем придававшиеся им формы были довольно условными знаками человека или животного [Дайн 1981, с. 25–26; Дайн 2001, с. 102, 103] – см. илл. 17, кукла-«столбушка» [ЛКЭСК МИА, Орловская обл.]. Подобные разновидности кукол фиксируются в различных районах Русского Севера [Дайн 2007, с. 12]. «А куклу штё? Сделают такую штучку деревянную да и голову сделают, и всю наредят, как те следует. И с ногами, и всё. <...> А штё ли? Из полена сделают да и всё. Чево тутока? Ножки такие, руч-

ки такие приколачивали. Эдакие ручки сделают маленькиё и всё ей тут сделают. Это вытясовали, гли-ко ножичком вострым...» [ЛА СИС, д. Ивановский Починок Великоустюгского р-на Вологодской обл.].

Илл. 16

Играли в куклы из чурок и в Поволжье. «Мы играли в поленья. Заворачивали вон чурки деревянные. Поленица стоит около дома, там много же деревяшек. Ну, я не знаю, по каким параметрам мы их выбирали. Ну, вот нравилась, наверно, какая-нибудь...» [ЛА МИА, с. Первомайское (Сурский Острог) Инзенского р-на Ульяновской обл.]. В нашей коллекции имеется миниатюрная (около 5 см) куколка из дерева, найденная на улице г. Инза Ульяновской обл. Присущие ей «восточные» черты указывают, видимо, на то, что она была изготовлена местным татарским населением [ЛКЭСК МИА]. Г. Л. Дайн указывает на случай изготовления куклы из полена в Смоленской губ. [Дайн 1981, с. 26, *илл.* 6, начало XX в.]. В целом, однако, подобный тип кукол для ареала расселения русских мало характерен. Его аналогом в поздней традиции можно считать куколки на металлической основе: «Еще у меня была железная куколка. Из городу привезена. Раскрашена-раскрашена! Да уж я её не знала, куда и сунуть и убрать...» [ЛА СИС, д. Телибаново Шекснинского р-на Вологодской обл.].

Аналогичные объемные и плоскостные деревянные антропоморфные фигурки очень характерны для ритуально-обрядовых изображений народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера [Анохин 1929; Иванов 1970; Алексеенко 1971; Крейнович 1973; Иванов 1979; Березницкий 1999, с. 103–138], а также Северной Америки и Африки [Дэ-

видсон 1975; Григорович 1977; Окладникова 1977; Мириманов 1986].

Игровые куклы из костных остатков восходят, вероятно, к обыкновению давать детям обглоданные кости в качестве своеобразной игрушки. Например, у австралийских аборигенов «ребенку, который уже может самостоятельно сидеть, дают обглоданные кости, чтобы он играл с ними и сосал их» [Берндт 1981, с. 112]. Использование в качестве своеобразного «скелета» для формирования туловища куклы, ее каркаса, костной или деревянной основы указывает на принадлежность к особой культурной традиции, наиболее ярко представленной у народов Сибири, особенно в шаманских культах. С.В. Иванов, анализируя антропоморфные фигурки на шаманском костюме у эвенков, символизирующие «хозяев костей», указывает, что это является отражением распространенного у многих народов представления – «каждая часть тела человека является самостоятельным существом и может иметь своего „хозяина“» [Иванов 1970, с. 232; *подробнее об этом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.